

ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Всеобъемлющее соглашение по иранской ядерной программе, переговоры о котором ведутся между Тегераном и шестеркой международных посредников, должно ликвидировать угрозу создания Ираном ядерного оружия и вывести страну из международной изоляции. В то же время снятие с Тегерана санкций при сохранении его мирной ядерной программы будет означать усиление веса Ирана в регионе. Соседи Ирана будут вынуждены искать новые стратегии поведения в меняющейся системе региональных отношений.

На протяжении 2014 г. ПИР-Центр председательствовал в рабочей группе Сети стратегических исследований (Strategic Studies Network) по иранскому урегулированию. В ходе встреч в Бангкоке и Москве, а также онлайн дискуссий эксперты из 15 стран (России, Азербайджана, Бельгии, Египта, Индии, Ирана, Италии, Канады, КНР, Кувейта, Ливии, ОАЭ, Пакистана, США и Турции) разрабатывали меры поддержки усилий шестерки и Ирана по заключению всеобъемлющего соглашения и предлагали региональные решения для долгосрочного урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы и укрепления режима ядерного нераспространения на Ближнем Востоке. Итогом экспертной дискуссии стал доклад ПИР-Центра и Сети стратегических исследований «Иран в региональном и глобальном контексте», презентованный в марте 2015 г. Полный текст доклада доступен на сайте ПИР-Центра.

Журнал Индекс Безопасности публикует часть дискуссии, посвященной региональным аспектам соглашения по иранской ядерной программе. В рамках круглого стола директор ПИР-Центра Альберт **Зульхарнеев** (Россия), ведущий научный сотрудник Департамента анализа внешней политики Центра стратегических исследований при президенте Азербайджана Гейдар **Мирза** (Азербайджан), профессор Школы международных отношений Йилдизского технологического университета Озден **Зейнеп Октав** (Турция), старший научный сотрудник Отдела исследований в области безопасности Центра политических и стратегических исследований Аль-Ахрам Иман **Ахмед Рагаб** (Египет) и заведующий академическими программами Масдарского института науки и технологий Юссеф **Шатилла** (ОАЭ) обсудили вызовы для государств региона и вероятные стратегии их поведения.

ЧТО БЕСПОКОИТ ГОСУДАРСТВА РЕГИОНА ВО ВСЕОБЪЕМЛЯЮЩЕМ СОГЛАШЕНИИ С ИРАНОМ?

АХМЕД РАГАБ: Египетская реакция на промежуточное соглашение по иранской ядерной программе была скорее прагматической, чем идеологической. С одной стороны, Каир приветствовал подписание предварительного соглашения, поскольку оно соответствует руководящим принципам внешней политики Египта как по ядерному вопросу на Ближнем Востоке в целом, так и по ядерной программе Ирана. Египет поддерживает стремление Ирана развивать ядерные технологии в мирных целях при условии, что этот процесс идет в рамках ДНЯО. Он также выступает за мирное урегулирование кризиса в отношениях между Вашингтоном и Тегераном.

С другой стороны, стратегические последствия временного соглашения вызывают у Каира обеспокоенность. Достижение всеобъемлющего соглашения изменит региональную ситуацию на Ближнем Востоке в пользу Ирана, поскольку с его подписанием Иран перестанет быть *государством-изгоем* (как его в свое время охарактеризовал Джордж Буш-младший) и превратится в партнера — или даже друга — Соединенных Штатов. Я считаю, что такое развитие событий могло бы ослабить позиции Египта в регионе, особенно после окончания переходного периода. Чтобы сбалансировать ядерный потенциал Ирана, который уже признан в предварительной договоренности и будет, как ожидается, подтвержден во всеобъемлющем соглашении, Египет уже сейчас анализирует возможные варианты развития собственной ядерной программы. В частности был возобновлен проект по строительству первой египетской АЭС в районе поселка эль-Дабаа.

Кроме того, Египет обеспокоен возможными последствиями достижения соглашения с Ираном для своих союзников в Персидском заливе, особенно для Саудовской Аравии и ОАЭ, которые оказывают Каиру поддержку с июня 2013 г. Египетский министр иностранных дел Набиль Фахми 22 января 2014 г. заявил, что политика Египта в отношении Ирана во многом определяется интересами египетских союзников в Персидском заливе.

ЗЕЙНЕП ОКТАВ: На официальном уровне Турция никогда не высказывала особых опасений относительно возможных последствий иранской ядерной программы с точки зрения своей национальной безопасности. Анкара также продолжает призывать к универсализации международных норм в области нераспространения и к созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Здесь ключевым моментом является то, что, с точки зрения Анкары, Турция не должна быть частью такой зоны, поскольку, по ее мнению, 70 американских ядерных боеголовок, развернутых в Турции, являются необходимым инструментом сдерживания и отражением принятого в НАТО принципа, согласно которому каждый член Альянса вносит посильный вклад в коллективную оборону.

Турция — единственная мусульманская страна, на территории которой официально развернуто ядерное оружие, и единственная мусульманская страна, входящая в авторитетную организацию коллективной безопасности — НАТО. Иными словами, имея более прочные гарантии безопасности, чем любое арабское государство, Турция вполне может заявлять, что ядерный Иран не будет представлять для нее угрозы.

У Анкары также есть два дополнительных стимула не сжигать полностью мосты с Тегераном: ухудшение ситуации на границах в свете сирийского кризиса и создание де-факто автономного курдского региона на севере Сирии. Анкара полагает, что дальнейшие санкции лишь усилят изоляцию Ирана, и вполне довольна подписанным в Женеве промежуточным соглашением. Это, впрочем, не означает, что Турция не будет обеспокоена, если с подписанием всеобъемлющего соглашения будет фактически признано, что Иран стал *пороговым* государством. А именно это произойдет, если в окончательное соглашение войдут основные принципы женевских договоренностей (которые позволяют Тегерану обогащать уран до уровня 3,5%).

Иными словами, если международное сообщество фактически признает право Ирана на развитие полного ядерного топливного цикла, то Иран окажется в компании таких ответственных государств с развитой ядерной отраслью, как Германия, Япония, Нидерланды и Бразилия. Это значительно повысит международный престиж Тегерана; по мнению многих наблюдателей, в этом случае Иран в определенном смысле возьмет верх над Турцией, которая является членом НАТО и *Группы двадцати*, а также кандидатом на вступление в ЕС — ведь турецкая ядерная программа все еще находится на самых ранних этапах развития.

МИРЗА: Многие аналитики выражают оптимизм относительно перспектив, открывающихся в случае заключения всеобъемлющего соглашения, однако есть несколько факторов, которые делают всю *перезагрузку* отношений между США и Ираном очень хрупкой. Первым фактором является текущая геополитическая ситуация на Ближнем Востоке и гражданская война в Сирии. Существует множество вопросов, и один из них — вопрос времени. В случае неожиданных поворотов в ходе гражданской войны в Сирии, в которой Иран участвует через своих ставленников, весь процесс может быть пущен под откос. Есть также и более общие соображения. Я внимательно изучил комментарии в российских СМИ по поводу подписанного в Женеве временного соглашения и определенной разрядки в отношениях между Ираном и мировым сообществом и пришел к выводу, что эта разрядка не в интересах России. Некоторые российские аналитики даже высказывают опасения о том, что если разрядка пойдет слишком далеко, Россия может потерять Иран как стратегического партнера в регионе.

Еще один вопрос связан с Израилем. Мне кажется, что Израиль в данный момент мобилизовал все имеющиеся ресурсы, чтобы сорвать женевский процесс. На Ближнем Востоке существует только одна ядерная держава — Израиль, и у этой державы отсутствует противовес. Появление такого противовеса в виде теократического режима в Тегеране представляет собой экзистенциальную угрозу для израильтян, которые опасаются, что подписанное временное соглашение может превратиться в постоянное. Эти опасения уже стали причиной возникновения напряженности и обмена резкими заявлениями между США и Израилем. Будучи стратегическим партнером и США, и Израиля на Южном Кавказе, Азербайджан пристально наблюдает за развитием ситуации. Напряженность еще больше возросла после того, как 1 февраля 2014 года Госсекретаря США Джона Керри в ходе пресс-конференции спросили, считает ли он, что «сможет довести это [переговоры между Израилем и палестинцами] до конца». Вместо прямого ответа на вопрос Керри заявил: «Кампания по срыву переговоров набирает обороты. Участники

процесса реагируют достаточно болезненно. Поговаривают об объявлении бойкота и других подобных шагах. Неужели мы все от этого выиграем?»

Это заявление лишь усугубило негативное отношение Израиля к женевскому процессу и подстегнуло антиамериканскую риторику в израильских СМИ. Кроме того, некоторые высокопоставленные дипломаты и разведчики не в восторге от укрепления стратегического военного сотрудничества и обмена разведанными между Израилем и Азербайджаном. Они считают, что это создает дополнительные трудности для женевского процесса, что подчеркивалось в докладе израильского Института исследований проблем национальной безопасности.

Также существуют сомнения относительно искренности самого Ирана. Иранская экономика понесла значительный ущерб в результате введенных в 2010 г. американских санкций. Состояние иранской экономики легко отслеживается из Азербайджана, где многие компании тесно связаны с иранскими партнерами. Наиболее очевидными проблемами являются гиперинфляция и дефицит многих товаров. К своей короткой статье, опубликованной в журнале *Foreign Affairs* 27 ноября 2013 г. (т.е. через 3 дня после подписания женевских договоренностей, на самом пике оптимизма по их поводу), Сьюзан Малони из Бруклинского института высказала мнение, что все произошедшее — от беспрецедентных попыток иранского президента Хасана Рухани наладить контакты с Барак Обамой до подписания самих договоренностей — является частью тщательно спланированной стратегии иранского режима, которую наверняка одобрил сам аятолла Али Хаменеи.

Иран лишь на время приостановил свою ядерную программу, не давая обещаний полностью ее прекратить, и согласился на конверсию части своих запасов обогащенного урана в топливные стержни для Тегеранского исследовательского реактора, а также позволил МАГАТЭ проинспектировать ядерные объекты в Натанзе и Фордо. В обмен на эти обещания Тегеран получил доступ к финансовым ресурсам, в которых так отчаянно нуждается. США согласились разморозить 550 млн долларов, выплаченных Ирану за поставки нефти (с перспективой размораживания дополнительных сумм), а также предоставили гарантии того, что против Ирана не будут введены новые санкции. Следовательно, есть доля правды в аргументах скептиков, ставящих под сомнение ценность подписанных договоренностей для США, поскольку, по их мнению, Тегеран от этих договоренностей получил больше, чем Вашингтон. Кроме того, нет гарантий, что после того, как США снимут санкции и процесс разрядки пойдет достаточно далеко, не появится новых неожиданных данных о состоянии иранской ядерной программы. Высока вероятность того, Иран, который потратил на свою ядерную программу столько ресурсов и усилий, мог открыть для инспекций МАГАТЭ все свои ядерные объекты, но сохранить в тайне какие-то небольшие, но очень важные элементы самой программы. Хотелось бы посмотреть на лица американских дипломатов, если в один прекрасный день, после того, как процесс разрядки дойдет до возобновления работы посольств, станет известно о создании Ираном своей первой атомной боеголовки. Как тогда на это реагировать?

ЗУЛЬХАРНЕЕВ: В качестве предварительного условия переговоров по ядерному вопросу Ирану нужны гарантии безопасности. Однако и западные страны, и Иран пошли на повышение ставок. Они не желают идти ни на какие уступки по вопросам, не связанным с ядерной программой. Западные страны предпочитают четко

разграничивать эти две сферы. При этом верховный лидер Ирана также дал своей команде на переговорах мандат только на поиск решения по ядерному вопросу. Однако если мы ведем речь о всеобъемлющем решении, рано или поздно нам придется решать вопрос гарантий безопасности.

Помимо этого, нарастает соперничество между шестью странами в экономической и даже геополитической сфере, связанной с открытием иранского рынка. Это соперничество способно подрвать совместные усилия по выполнению женевских договоренностей, а также усилия по выработке нового соглашения. Необходимо найти взаимоприемлемое сочетание наших национальных интересов и устремлений и наших общих целей, чтобы решить эту проблему

СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВ РЕГИОНА В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ШАТИЛЛА: Одним из основных препятствий на пути развития мирной атомной энергетики на Ближнем Востоке является опасность распространения ядерного оружия, которая в основе своей зависит от наличия у государств способности обогащать и перерабатывать ядерное топливо. Ядерные державы, как и весь остальной мир, озабочены распространением этой способности за пределы официального *ядерного клуба*. Краткосрочным решением проблемы могло бы стать подписание государствами, которые приступают к развитию атомной энергетики, соглашений о сотрудничестве в ядерной сфере, в которых они отказываются от своего права на развитие технологий обогащения и переработки ядерных материалов. Судя по всему, такие соглашения являются эффективными. Они уже нашли немало сторонников среди тех государств, чье стремление получить доступ к экологически чистой и надежной атомной энергии перевешивает кажущиеся недостатки отказа от того, что противники такого подхода называют *суверенным правом на обогащение и переработку*.

Однако пока еще рано утверждать, что подобные соглашения прошли проверку временем. Их оппоненты настаивают, что в долгосрочной перспективе подписанты ограничивают свои возможности по использованию атомной энергетики как стабильного и экономически выгодного источника энергии. Ирония в том, что именно к созданию такого источника они стремились, когда принимали решение о начале развития атомной энергетики. Среднесрочным решением проблемы распространения является создание международных банков ядерного топлива, участники которых получают гарантированный, надежный и недискриминационный доступ к реакторному топливу по рыночным ценам в обмен на отказ от права на самостоятельное обогащение и переработку топлива. Отличие от предыдущего решения заключается в том, что доступ к топливу контролируется международной организацией, а не каким-либо одним государством-поставщиком в рамках двустороннего соглашения. Такой подход наверняка способен предотвратить ситуацию, когда главный партнер в банке ядерного топлива пытается контролировать доступ к топливу со стороны остальных. Однако он не решает вопрос волатильности рынка ядерного топлива в случае ценовой войны. Страна, которая имеет возможность самостоятельно обогащать и перерабатывать топливо, имеет намного лучшие шансы без особых потерь выйти из такого гипотетического, но при этом вполне вероятного сценария.

АХМЕД РАГАБ: Попытки достичь всеобъемлющего соглашения сейчас идут в формате переговоров с *шестеркой*, ведущие роли в которой принадлежат США и России. Страны ближневосточного региона, для которых результат переговоров очень важен — особенно Саудовская Аравия и другие арабские государства Персидского залива — никакой роли в ходе переговоров сейчас не играют. Это стало одной из причин возникновения напряженности между Саудовской Аравией и США после подписания временного соглашения. Такой подход со стороны США объясняется широко распространенным в Вашингтоне мнением о том, что если за стол переговоров вынести все накопившиеся острые вопросы между Ираном и арабскими странами Персидского залива, то никакого соглашения достичь не удастся. Поэтому Вашингтон предпочитает на данном этапе не привлекать эти страны к переговорам, а лишь информировать их о результатах проведенных раундов. Эта стратегия также хорошо согласуется с проводимой Хасаном Рухани стратегией конструктивного взаимодействия с США и Западом с целью достижения международного признания роли Ирана на Ближнем Востоке и за пределами региона.

Эта стратегия, однако, не учитывает важность эффективной региональной дипломатии как одного из условий успешного урегулирования, особенно в том случае, если иранцам удастся включить в соглашение неядерные вопросы (которые представляют интерес для арабских стран Персидского залива и таких региональных государств, как Египет). Основой этой региональной дипломатии могло бы стать снятие напряженности между Ираном и арабскими странами Залива, а также инициативы, направленные на предотвращение ядерного распространения в ближневосточном регионе.

Региональная дипломатия должна основываться на трех столпах:

- Создании регионального механизма, отдельного от *шестерки*, и использовании модели 6+2+1, предложенной Кондолизой Райс после войны в Ираке 2003 г. Данная группа могла бы включать 6 арабских государств залива, США, Иран и Египет. Позиция Египта в меньшей степени основана на идеологических мотивах, поэтому Каир мог бы сыграть ведущую роль в мерах по укреплению доверия между странами региона.
- Запуске регионального процесса, направленного на развитие экономических связей между арабскими государствами Залива и Ираном, а также Ираном и такими странами, как Египет.
- Поддержке египетского предложения по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке. Иран поддержал это предложение в ООН еще в 1970 г. Хасан Рухани также высказался в его поддержку в интервью телеканалу *NBC* в сентябре 2013 г. Создание такой зоны требует поддержки со стороны России, США и всего международного сообщества.

ЗЕЙНЕП ОКТАВ: Турция готовится ко всем возможным сценариям развития событий вокруг Ирана, включая возможность приобретения Тегераном ядерного оружия. К примеру, она работает над созданием системы противоракетной обороны. Эти планы совпали с заявлением Администрации Барака Обамы о запуске программы европейского поэтапного адаптивного подхода в области ПРО, одним из компонентов которого являются системы *Иджис*, развернутые на кораблях ВМС

США в Средиземном море. Турция продолжает рассматривать членство в НАТО «как оптимальный вариант обеспечения национальной безопасности в долгосрочной перспективе, даже если членство в НАТО имеет определенные негативные последствия для дипломатических усилий Анкары в более широком контексте».

Позиция Турции по сирийскому вопросу демонстрирует, что Анкара приветствовала бы участие НАТО в разрешении кризиса, что устранило бы угрозу на турецких границах. Турция воспринимает членство в НАТО как наиболее прочную гарантию собственной безопасности, эта точка зрения справедлива и в отношении возможных угроз, связанных с приобретением Ираном ядерного потенциала. Необходимо, однако, помнить о том, что, по результатам опроса общественного мнения, проведенного в 2012 году в 27 турецких провинциях, 60,8% респондентов высказались за приобретение Турцией ядерного оружия в случае возникновения угрозы со стороны ядерного Ирана.

Хотя на официальном уровне Анкара заявляет, что ядерный Иран не будет представлять для нее угрозы, отношение общественности к перспективе приобретения Ираном ядерного статуса остается весьма негативным. Заключение всеобъемлющего соглашения между *шестеркой* международных посредников и Ираном скорее всего заставит Турцию более пристально следить за развитием иранской ядерной программы и планами Тегерана в отношении ядерного оружия. Учитывая нынешний уровень недоверия между Анкарой и Тегераном в свете размещения на турецкой территории элементов натовской системы ПРО и радаров системы раннего оповещения в провинции Малатья, соперничество между двумя странами в сфере безопасности в ближайшей перспективе наверняка сохранится. Это, в свою очередь, может привести к дальнейшему сближению между Турцией и Израилем. Иран уже сейчас подозревает, что Израиль и Турция обмениваются разведанными, поступающими с американской радарной системы, развернутой на турецкой территории. Характеристики этой системы сходны с характеристиками радара, размещенного в израильской пустыне Негев.

МИРЗА: Независимо от того, чем завершится женеvский процесс, и несмотря на то, что между Ираном и Азербайджаном всегда существовало определенное соперничество, я считаю, что со временем напряженность исчезнет, а наши государства, одному из которых 5000 лет, а другому всего 20, научатся жить бок о бок в согласии. У нас слишком много общего, и если этнически наиболее близкой к Азербайджану страной является Турция, то с точки зрения принадлежности к шиитской ветви ислама наиболее близкой нам страной является именно Иран, не говоря уже о том, что в Иране проживает 23 миллиона этнических азербайджанцев. Я полностью отвергаю любые военные сценарии, призванные не допустить создания Ираном ядерного оружия. Азербайджанское руководство не раз заявляло, что несмотря на партнерство страны с США и Израилем, Азербайджан ни в коем случае не позволит использовать свою территорию для нанесения военных ударов по Ирану.

ЗУЛЬХАРНЕЕВ: Я считаю, что Шанхайская организация сотрудничества, в которую входят ключевые региональные игроки, могла бы внести вклад в решение этого вопроса. Пять среднеазиатских государств, Россия и Китай являются полноправными членами ШОС, четыре страны (Иран, Индия, Пакистан и Монголия) имеют статус наблюдателя, и еще три страны, в том числе Турция, являются партнерами

ШОС по диалогу. ШОС имеет потенциал в двух сферах. Во-первых, в рамках ШОС можно было бы снять озабоченность Ирана относительно вопросов региональной безопасности, а также укрепить позиции Ирана в качестве одного из основных игроков в Средней Азии. В то же время перспектива получения полноправного членства и укрепление позиций Ирана в регионе взаимосвязаны и зависят от снятия введенных против Ирана санкций ООН. Правила ШОС не позволяют предоставлять членство странам, против которых действуют санкции ООН. Насколько мы понимаем, снятие этих санкций может произойти только в случае нахождения всеобъемлющего решения ядерного вопроса.

ШОС представляет интерес для Ирана по нескольким причинам. Все они, как я уже говорил, связаны с консолидацией и укреплением позиций Ирана на его северных и восточных границах. Во-первых, ШОС не приемлет одностороннего участия в решении региональных проблем третьих сторон, не являющихся региональными игроками. Такое участие неприемлемо, если только оно не согласовано с ШОС. К примеру, такого подхода придерживается ШОС по вопросу Афганистана и американских военных баз в Средней Азии. В свете отвода международных сил безопасности из Афганистана позиции ШОС еще больше усиливаются.

Во-вторых, ШОС может стать эффективным альтернативным форматом регионального сотрудничества по Афганистану, которое важно для Ирана. В-третьих, члены ШОС делают упор на национальный суверенитет и невмешательство во внутренние дела. Это общие для всех членов ШОС ценности, и они полностью соответствуют иранскому видению своих отношений с международным сообществом. Четвертой причиной является реальное сотрудничество в борьбе с терроризмом (через механизм региональной антитеррористической структуры), которое становится все более востребованным, учитывая продолжающуюся нестабильность на Ближнем Востоке. Пятой причиной являются возможности для экономического сотрудничества.

Иными словами, ШОС может предоставить Ирану *зонтик мягкой региональной безопасности* на его восточных и северных границах. ШОС — не военный блок, и у его членов нет друг перед другом обязательств военного характера, однако высокий уровень экономической взаимозависимости стран ШОС не позволит использовать территорию одного из членов организации в целях, несущих угрозу безопасности других членов.

Нынешние члены ШОС также заинтересованы в расширении участия Ирана в структуре организации. Это связано с меняющейся ситуацией вокруг Ирана. Страна является одним из ключевых производителей и экспортеров нефти. Она также обладает вторыми по величине запасами газа в мире. Среди членов ШОС два крупных экспортера энергоносителей, Россия и Казахстан, и оба они не заинтересованы в появлении нового конкурента на глобальном и европейском рынке. Тем не менее, ШОС развивает свой *Энергетический клуб*, чья способность гармонизировать энергетические интересы его членов может быть весьма полезна именно в данный момент.

В плане безопасности для России и Китая — а также, я думаю, и для среднеазиатских республик — важно иметь на границах среднеазиатского региона страну-партнера, которая бы взяла на себя обязательство не развивать военное сотрудничество с третьими странами в ущерб интересам членов ШОС в сфере безопасности.

С точки зрения России, вовлечение Ирана в сотрудничество в рамках ШОС станет небольшим, но значимым противовесом китайской экономической экспансии. Большинство среднеазиатских государств также заинтересованы в более тесном сотрудничестве с Ираном, особенно в экономике. В первую очередь это относится к Таджикистану, который уже потерял несколько инвестиционных проектов в результате спада в иранской экономике. То же можно сказать и о Кыргызстане. Россия, Казахстан и Туркменистан заинтересованы в более тесном сотрудничестве с Ираном в энергетической сфере. Отношения с Узбекистаном более сложные из-за узбекских отношений с Израилем. В данный момент членство в ШОС все еще является *пряником* для Ирана, а большинство нынешних членов ШОС заинтересованы в большем вовлечении Ирана в структуру этой организации. Ситуация является хорошей возможностью продемонстрировать, что ШОС является не антиамериканским клубом, а влиятельной региональной организацией, способной внести вклад в решение глобальных проблем в сфере безопасности.

Поэтому параллельно с продолжением переговоров по ядерному вопросу мы рекомендуем в рамках Шанхайской организации сотрудничества работать над развитием диалога между Россией, Китаем и среднеазиатскими странами с одной стороны и Ираном — с другой. Кроме того, следует изучить возможности реализации более амбициозных энергетических проектов, включая проекты в сфере атомной энергетики. У некоторых членов и государств — партнеров ШОС есть богатый опыт в области атомной энергетики (отличным примером является Россия). Другие члены и партнеры этой организации (Казахстан, Турция и Иран) только приступают к развитию программ атомной энергетики. Они были бы заинтересованы в совместных проектах в области мирного атома. 🐘

